

Людмила
УЛИЦКАЯ

Девочки

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

ДЕВОЧКИ

ДАР НЕРУКОТВОРНЫЙ

Во вторник, после второго урока, пять избранных девочек покинули третий класс «Б». Они уже с утра были как именинницы и одеты особым образом: не в коричневых форменных платьях с черными фартуками и даже не в белых фартуках, а в пионерских формах «темный низ, белый верх», но пока еще без красных галстуков. Шелковые, хрустяще-стеклянные, они лежали в портфелях, еще не тронутые человеческой рукой.

Девочки были лучшие из лучших, отличницы, примерного поведения, достигшие полноты необходимых, но недостаточных девяти лет. Были в классе «Б» и другие девятилетние, которые

Людмила Улицкая

и мечтать не могли об этом по причине своих несовершенств.

Итак, пять девочек из «Б», пять из «А» и пять из «В» надели после второго урока пальто и галоши и выстроились перед школьным крыльцом в колонну попарно. Сначала одной девочке не хватило пары, но потом Лилю Жижморскую затошнило на нервной почве и она пошла в уборную, где ее вырвало, а затем напала на нее такая головная боль, что пришлось отвести ее в кабинет врача и уложить на холодную кушетку — чем восстановилась парность колонны.

Старшая пионервожатая Нина Хохлова, очень красивая, но косая девушка, председатель совета дружины взрослая семиклассница Львова, девочка-барабанщица Костикова и девочка Баренбойм, которая уже год ходила в Дом пионеров в кружок юного горниста, но еще не научилась выдувать связных мелодий, а пока умела только издавать отдельно взятые звуки, встали во главе колонны.

Арьергард состоял из Клавдии Ивановны Драчевой, которая в данном случае представляла собой не ту часть себя, которая была заву-

чем, а ту, которая была парторгом, одной родительницы из родительского комитета с двумя разлегшимися на плечах развратными чернобурыми лисицами и старичка-общественника, знающего, вероятно, тайну хождения по водам, поскольку его сапоги среди водоворотов непролазной грязи сверкали идеальным черным лоском.

Старшая вожатая дала сигнал, тряхнув помпоном на шапочке и двумя мощными кистями на свернутом дружинном знамени, барабанщик Костикова протрещала «старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик крепко спал», Баренбойм надулась и издала кривой трубный звук, и все двинулись по мелко-извилистому, но в целом прямому маршруту через Миуссы, Маяковку, по улице Горького к музею. Такие же колонны двинулись от многих школ, как мужских, так и женских, потому что мероприятие это имело масштаб городской, республиканский и даже все-союзный.

Колченогие мускулистые львы, похожие на волков, с незапамятных времен привыкшие к отборной публике, меланхолично наблюдали

Людмила Улицкая

с высоких порталов за шеренгами лучших из лучших и притом таких молодых.

— Сколько мальчишек, — неодобрительно сказала Алена Пшеничникова своей подруге Маше Челышевой.

— Это не хулиганы, — проницательно заметила Маша.

Действительно, мальчики в теплых пальто и завязанных под подбородками треухах были мало похожи на хулиганов.

— А девочек все-таки больше, — настаивала на чем-то сокровенном и не до конца выношенном Алена.

Тут их ввели внутрь музея, и у всех дух свело от имперско-революционного великолепия полированного мрамора, начищенной бронзы и бархатных, шелковых и атласистых знамен всех оттенков адского пламени.

Их подвели к гардеробу, и они строем стали раздеваться. Галоши, кушаки, рукавицы — всего было слишком много. Всем было неловко, и каждому как будто не хватало по одной руке. По той, которая была занята сверточком с пионерским галстуком, положить который было некуда. У одной только толстухи Соньки Преобра-

женской обнаружился карман на белой кофточке, и она положила в него драгоценный сверточек.

Пионервожатая Нина, покрытая пятнистым румянцем, держа в вытянутых руках тяжелое древко дружинного знамени, повела их по широкой лестнице наверх. Ковер, примятый медными прутьями на каждой ступени, был зыбким и пружинистым, как мох на сухом болоте.

Позади всех шла родительница, снявшая из-под пышных лисиц незначительное пальто и утопая подбородком в толстом меху, а рядом с ней в чудесным образом не запятнанных сапогах — старичок-общественник, сверкая металлической лысиной не хуже, чем голенищами.

— Алена, — в шею Алене зашептала стоявшая позади нее Светлана Багатурия, — Алена! Я все забыла, мамой клянусь.

— Что? — удивилась хладнокровная Алена.

— Торжественное обещание, — прошептала Светлана. — Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей... а дальше забыла...

Людмила Улицкая

— ...торжественно обещаю горячо любить свою Родину, — высокомерно продолжила Алена.

— Ой, вспомнила, слава богу, вспомнила, Аленочка, — обрадовалась Светлана, — мне только показалось, что я забыла!

Народ все прибывал, но никто не путался и не размешивался, все стояли по классам, по школам, ровненько, а весь длинный зал сплошь был заставлен витринами с подарками товарищу Сталину. Они были из золота, серебра, мрамора, хрусталя, перламутра, нефрита, кожи и кости. Все самое легкое и самое тяжелое, самое нежное и самое твердое пошло на эти подарки.

Индус написал приветствие на рисовом зернышке, и в другой раз, не сейчас, можно было бы посмотреть под лупой на эти волнистые буквы, похожие на мушиный помет. Китаец вырезал сто девять шаров один в другом, и опять-таки нужна была лупа, чтобы в просветах этих мелких узоров разглядеть самый маленький, внутренний шарик меньше горошины.

Узбечка ткала ковер из своих собственных волос всю жизнь, и с одной стороны он был

угольно-черный, а с другой — голубовато-белый. Серединка его была соткана из седеющих, пестровато-серых печальных волос.

— Наверное, она теперь лысая, — прошептала Преображенская.

— Это не имеет значения, узбечки все равно ходят в парандже, — пожала плечом жестокая Алена.

— Это до революции они так ходили, отста-
лые, — вмешалась Маша Челышева.

— Отсталая не станет в подарок товарищу Сталину ковер ткать, — защитила почтенную старушку Преображенская.

— А может, она не все волосы в коврик заделала, может, немножко оставила? — с надеждой сказала добрая Багатурия, пощупав свои толстые длинные косы, подвязанные ленточками над ушами.

— А-а, посмотрите! — вдруг ахнула Маша. — Видели?

Но смотреть было особенно не на что: на витрине лежала квадратная тряпочка, на которой был вышит портрет товарища Сталина. Не особенно красиво, крестиком, не очень даже и похоже, хотя, конечно, догадаться можно без труда.

Людмила Улицкая

— Ну, видели, — отозвалась Преображенская, — ничего особенного.

— Чего, чего? — забеспокоилась Алена.

— Читай, что написано! — Маша ткнула пальцем в этикетку в витрине. — «Портрет товарища Сталина вышила ногами безрукая девочка Т. Колыванова».

— Танька Колыванова! — в восхищении прошептала Сонька, едва не теряя сознание от восторга.

— Да вы что, с ума сошли? Какая же Колыванова безрукая? У нее две руки. Да она и руками-то так не вышьет, не то что ногами! — отрезвила их Алена.

— Но здесь же написано Тэ Колыванова! — с надеждой на чудо все не сдавалась Сонька. — Может, у нее сестра есть безрукая?

— Нет, Лидка, ее сестра, в седьмом классе учится, есть у нее руки, — с сожалением сказала Алена. Она зажмурилась, покачала головкой в многодельных плетениях кос и добавила: — Все же спросить надо.

И тут всё двинулось и стройными рядами пошло в другой зал. С одной стороны стояли барабанщики, с другой — горнисты, в середине сто-

яли знаменосцы с распущенными знаменами, и какая-то, наверное самая старшая, пионервожатая громко скомандовала:

— На знамя равняйся! Смирно! Слово предоставляется матери Зои и Шуры Космодемьянских.

Все подровнялись и выпрямились, и тогда вышла вперед невысокая пожилая женщина в синем костюме и рассказала, как Зоя Космодемьянская сначала была пионеркой, а потом подожгла фашистскую конюшню и погибла от рук фашистских захватчиков.

Алена Пшеничникова плакала, хотя она про это давным-давно знала. Всем в эту минуту тоже хотелось поджечь фашистскую конюшню и, может быть, даже погибнуть за Родину.

Потом выступил старичок-общественник и рассказал про первый слет пионеров на стадионе «Динамо», про Маяковского, который читал «Возьмем винтовки новые, на штык флажки», а все пионеры — участники слета весь тот день ездили потом бесплатно на трамвае, а билеты стоили четыре, восемь и одиннадцать копеек.

А потом все хором прочитали торжественное обещание юного пионера и всем повязали